

НАДО РАССЕЯТЬ ТУМАН

МЕЙЕРХОЛЬД, ТЕАТР ИЛИ ИМЯ?

Внимале вопрос стоял — как будто — очень просто: В. Э. Мейерхольд настаивал на посадке театра его имени за границу на год «в виду репертуарного кризиса». Главискусство не согласилось, требуя документации безубыточности зарубежного вояжа театра. Вот и все.

Внезапно, однако, этот чисто, так сказать, бухгалтерский спор приобрел обостренный и притом личный характер. Стало вдруг выясняться, что речь идет уж не только и не столько о заграничном турне, сколько о том, вернется ли немедленно Мейерхольд в Москву. Стало похоже на то, словно обычное наименование этого самого левого нашего театра начали произносить шиворот-навыворот: не «Театр им. Мейерхольда», а «Мейерхольд имени театра»...

А туман тем временем все более сгущался. Стали уж мелькать сведения о том, что «весь вопрос» в правительственной дотации, что труппу театра предполагается не-то распустить, не-то держать «частным образом», что Мейерхольд «действительно болен», но что «до приезда Мейерхольда» с театром его имени разговаривать поче-

му-то немислимо. Туман сгущался — совсем, как в Арктике.

Если остановиться на самых последних сведениях — то, повидимому, «коллектив театра им. Мейерхольда» будет существовать, немножко денег ему дадут и имущество театра будет освобождено от тяготеющих на нем взысканий. Но театра, повидимому, все же не будет. Ибо коллектив, у которого вместо Мейерхольда останется только имя, вместо средств — только «маленькая поддержка», а вместо репертуара — повторение пройденного — ни в коем случае не может считаться театром.

Разрешает ли это вопрос о Мейерхольдовском театре? Едва ли. Проще говоря, никак не разрешает.

И прежде всего, на наш взгляд, к рассмотрению всей суммы вопросов о затруднениях, встретившихся на пути Мейерхольда и его театра — руководящие театральные органы подошли **черезчур азартно**, без надлежащей провизаторности и необходимого хладнокровия. Между тем, удельный вес театра Мейерхольда — несомненно велик и даже больше, нежели сам театр и само «имя». Ибо этот театр

вполне отчетливо воспринимается, как революционная, скажем, лаборатория, как некий экспериментальный формат — не всегда одинаково удачно, но неизменно творчески — воюющий с рутинной и двигающий театральное дело СССР вперед.

Вполне ли, на все ли 100 проц. Мейерхольд оправдывает эту свою репутацию — вопрос иной. В данном случае важно не это. А то, что удар по Мейерхольдовскому театру — есть несомненный удар по поступательному движению нашего театра, вообще. Пританцовывая реакционные силы среди театральных работников (с которыми ведется такая медленная, такая трудная борьба) воспримут «расформирование» мейерхольдовцев, как сигнал для «формирования» своих когорт, для нового наступления на театральный советский молодняк.

«Быть или не быть» театру Мейерхольда?

Мы думаем, что театру, конечно, быть, что Мейерхольду, конечно, вернуться и приступить к работе.

Из этого тумана, который сейчас окутал не только здание у Триумфальной площади, но и левый сектор нашей театральной жизни — необходимо выйти как можно скорее и с наименьшим уроном.

А. ЗОРОВ.

Черепин Москва 1928 (1931)

22 Сент. 1928.